

ЮРИЙ ОКУНЕВ

СОМЕЛЬЕ
ПО ВЫЗОВУ

Юрий Окунев
Сомелье по вызову

«Издательские решения»

Окунев Ю.

Сомелье по вызову / Ю. Окунев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744698-7

Если Джек — молодой сомелье и дегустатор, прилетевший в Испанию ради нового вина, — думал, что авиакатастрофа это самое страшное, что может случиться, то он ошибался. В компании с привлекательной помощницей хозяина он рассчитывал лишь продегустировать вино и получить деньги. Но вместо этого оказался втянут в водоворот из страшных культов, наёмников, оружия и наркотиков. И можно уйти, но мужчина не готов нарушить данное слово, как и бросить прекрасную девушку на растерзание опасных приключений.

ISBN 978-5-44-744698-7

© Окунев Ю.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1: Зазеркалье	7
Глава 2: Друг-техник	9
Глава 3: Культ Ктулху в поисках Некрономикона	14
Глава 4: Нереальная реальность	17
Глава 5: От чего темнеет металл	21
Глава 6: Ламберджек	24
Глава 7: Сумрак не скроет того, что должно быть скрыто	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сомелье по вызову

Юрий Окунев

*Посвящается моему Солнцу, моей Лене.
Ты очень просила, чтобы я довёл дело до конца.*

Корректор Карина Шварс
Дизайнер обложки Юрий Окунев

© Юрий Окунев, 2017
© Юрий Окунев, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-4698-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Казалось, от жары воздух в салоне плывёт. Очертания спинок впереди стоящих кресел виделись тёмными пятнами. Звуки доносились приглушённо, будто мир отделили толстым слоем старого стекла. И крупные капли пота в наивной попытке стремились смыть с его лица кровь.

Джек шевельнул головой, и та отозвалась резким режущим ощущением в районе виска. Руки слушались плохо, но где-то в подсознании пульсировала мысль о том, что нужно шевелиться. Причём очень и очень быстро.

Удары сердца шли замедленно, но казалось, что они готовы в любой момент перейти на бег. Джек пытался понять, почему так жарко, почему так мутно и почему его обычно послушное, но сейчас такое резиновое тело кричит об опасности.

А потом он вспомнил, где находится. Это был обычный небольшой пассажирский самолёт, который совершал частный перелёт от Барселоны в южную часть страны. И ещё несколько мгновений, как казалось сознанию, назад, пилот объявил об аварийной посадке.

Джек сделал глубокий вдох, стараясь согнать туман с головы, и нос услужливо преподнёс ему свежую новость: запах гари.

Вот тут и проснулся табун лошадей, заключенный в грудную клетку человека, перейдя с медленного шага сразу в карьер. Руки, ещё не до конца послушные, начали судорожно нащупывать застёжку ремня безопасности, а глаза искать выход.

И как только он начал движение, произошло сразу несколько событий: вывалилась дверь в кабину пилотов, оттуда вырвался дым, и раздался крик. Дополняя картину, пол под ногами просел на полметра, оставив кишки где-то выше, как и остатки мутного полубессознательного спокойствия.

Однако это помогло Джеку: руки наконец смогли подцепить застёжку ремня, и она с шелчком отстегнулась, давая человеку свободу. Оторвавшись от своего кресла и опираясь на спинку переднего, он бросил взгляд в сторону и увидел дыру в боку самолета примерно в том месте, где раньше было крыло. Передвигая ноги, которые слушались ещё хуже, чем руки, Джек шёл к дыре, словно к спасительным воротам Рая. Пока ему в ногу не вцепилась чья-то рука, заставив неуверенно стоявшего человека рухнуть на пол.

Перед тем, как сознание снова заволочла дымка, будто дым от пожара заползал прямо в голову, Джек услышал тихий шепчущий голос.

– Простите. Я просто хотела...

Чего же она хотела, Джек уже не услышал. Дым пожара окончательно заполнил его голову тёмным маревом.

Глава 1: Зазеркалье

Как обычно, первыми стали возвращаться звуки. Какое-то шипение, треск, периодическое завывание. Следом добавилась боль: щиплющая на виске, тянущая в руке и самая сильная, ломающая рёбра – в груди. Эта боль как будто что-то выталкивала, выплёскивала из тела, выворачивала в попытке спасти.

В сознание Джек пришёл резко и от собственного хрипа. Это был хрип вдоха, самого первого, которое делает задыхающееся тело. И тут же на него со всех сторон обрушилась волна: завывание сирен, шипение пожарных шлангов, переговоры людей, сливающиеся в единый гул. И один голос, пытающийся прорваться сквозь пелену:

– Мистер! Эй, вы меня слышите? Вы понимаете, где вы?

Человек, светящий фонариком в безумно мельтешащий глаз, был одет в белую одежду. До Джека начало доходить, что перед ним врач. Он попытался ответить, однако что-то помешало ему говорить.

– Расслабьтесь, просто кивайте головой, – врач увидел, что Джек начал реагировать более адекватно. – На вас кислородная маска. У вас было отравление угарным газом. Лёгкие наполнились этой гадостью и теперь нужно время, чтобы их очистить. Понимаете?

Джек пристально смотрел на человека в белом. А потом медленно кивнул.

– Вы помните, как здесь оказались?

Джек снова кивнул, но уже активнее, что заставило его поморщиться – рана на виске дала о себе знать. Рука потянулась потрогать болящее место, и на глаза попался осьминог: кулон, который Джек всегда носил на шее, сейчас был накручен на запястье. Человек заворожённо смотрел, как качается вечно довольный восьмирукий металлический подводный житель по кличке Джим. Зрачки двигались в такт, и казалось, что Джек вспоминает предыдущие минуты и часы своей жизни. А затем глаза сфокусировались на фоне за кулоном.

Самолёт всё ещё горел. Четыре пожарных расчёта поливали его своей мутной пеной, в надежде не дать пламени распространиться дальше. Маленькая машинка, всего на полтора десятка человек, выглядела среди апельсиновых деревьев словно сломанная игрушка. Одно крыло было оторвано и лежало чуть поодаль. Видимо, при посадке зацепило дерево покрепче. Фюзеляж потемнел от пламени, но всё ещё походил на действующую конструкцию, которая своим весом продавила несколько других деревьев. В запахах гари, плавленого металла и пожарной химии всё равно четко угадывался цитрусовый аромат. Чуть недозревшие фрукты усеивали землю, и особенно плотным слоем ту часть, где самолётик пропахал сад. И прекрасным дополнением к картине разрушения и пожара стал шикарный оранжево-красный закат. Будто небо в солидарность с творением рук человеческих решило показать все цвета пламени.

Раздался треск, и в фюзеляже появилась новая дырка, из которой вырвался тонкий язычок пламени. Ближайший пожарник выругался по-испански и побежал к своей машине. Глаза Джека автоматически последовали за ним. За спиной неудачливого путешественника оказалась ещё целая куча машин, людей, звуков и образов. В частности, несколько карет скорой помощи, рядом с которыми оказывали помощь паре пассажиров. Рядом с такой же сидел сам Джек. Одна скорая выбиралась на основную дорогу, аккуратно объезжая деревья с будущими экспортными апельсинами. Полицейские не слишком усердно отгоняли от желтой линии кордона любопытных фермеров и работников сада.

Вдруг рядом с Джеком возникла девушка. Её обычно утончённый деловой брючный костюм сейчас больше годился для какого-нибудь чучела, которое с яростной ухмылкой отгоняло бы ворон с этого апельсинового поля. На лице были полосы сажи, волосы местами подгорели, испортив дорожную причёску, а сама она опиралась на два костыля: нога была то ли перебинтована, то ли закреплена в лубки.

– Простите, вы из-за меня упали, там, – она мотнула головой в сторону догорающей машины, – в самолёте. Мне просто была нужна помощь, чтобы освободить застрявшую ногу...

Джек попробовал улыбнуться, но девушка всё так же стояла с расстроенным выражением. После чего мужчина вспомнил, что на его лице маска, которая явно мешает нормальному общению. Он аккуратно её стащил:

– Ничего, – голос был хриплым, и Джек почти сразу закашлялся. После нескольких мучительных секунд он всё-таки закончил. – Главное, что мы живы...

И вернулся к маске. Живительный кислород показался вкуснее, чем классическое французское вино 30-летней выдержки.

Девушка, которая на секунду обрадовалась, снова потухла:

– Пилот погиб. А мистер Хавьер в тяжелом состоянии. Его срочно повезли в больницу. Она посмотрела в ту сторону, в которой скрылась осторожная скорая.

В этот момент в разговор вмешался врач, который порекомендовал Джеку попробовать встать и переместиться в машину скорой. То же самое посоветовал он и девушке:

– Мисс Монтесорри, возвращайтесь к своей машине, вас уже ждут. Тем более, требуется более серьёзное обследование, – а когда девушка попробовала спорить, непреклонно закончил. – К тому же, нужен кто-то рядом с мистером Хавьером, пока его жена не приедет из Мадрида.

Мисс Монтесорри ничего не оставалось, как опустить голову, тихо прошептать «хорошо» и двинуться, ковыляя на своих костылях, в сторону другой скорой. Джек же, всё так же заключённый в кислородную маску, с помощью врача и санитаря скорой встал и повернулся к машине, рядом с которой сидел. Заднее тёмное стекло на двери отразило молодого человека лет 30, с хорошей фигурой и рельефными мышцами на руках. В зазеркалье отражался человек, которым Джек был обычно – почему-то в мутном образе не было видно кровоподтёков, следов грязи и гари. Даже кислородную маску не было видно. Только тёмные волосы, глубоко посаженные глаза, тонкий нос да губы, застывшие в лёгкой ухмылке.

Образ промелькнул в зазеркалье, оставив Джека снова наедине с врачами. За спиной захлопнулись двери, загудел движок. Свет в салоне слегка притушили, а самого Джека закрепили на стоящей здесь кушетке. Помощник врача стукнул в стенку рядом с водителем, и машина тронулась, так же аккуратно, как и предыдущая, объезжая фруктовые деревья. Лишь добравшись до нормальной дороги, водитель включил сирену и нажал педаль газа поплотнее. Джек же продолжал вдыхать кислород и теревить пальцами осьминога, который был привязан к его запястью.

Ему было не по себе. А если быть честным до конца, то он был в шоке, граничащем с паникой. И не только падение самолёта была этому причиной.

Глава 2: Друг-техник

Джим с издёвкой смотрел на Джека. Металлический осьминог ехидно наблюдал, как молодая сестра пытается взять кровь из вены на анализы. Она уже в третий раз примеривалась, оставив после себя две болезненные точки уколов. Джеку же ничего не оставалось, как только морщиться и не шипеть слишком громко. Благо, что кислородную маску снимать не спешили.

Приёмное отделение больницы было относительно небольшим и, как всегда, шумным. А учитывая количество испанцев на квадратный метр со своими болячками, ситуация периодически превращалась в настоящий птичий базар. На соседних койко-местах проверяли двух пассажиров того же самолёта, что стал причиной для посещения больницы и Джеком. Один из них – юридический консультант Рон Гидеон, плотный мужчина с покрасневшим от жара лицом. Его намазали антиожоговой мазью и теперь заливали какие-то лекарства через систему. Вторая пассажирка – винный технолог Мария Хуарес – отделалась ушибами и царапинами. По словам медсестры, которые услышал Джек, ей очень повезло. Женщина же улыбалась и втихоря шептала молитву Деве Марии.

Но как бы там ни было, им всем действительно повезло. Чёртова крылатая машина всё-таки навернулась. И очень кстати неподалёку оказался город с пожарной станцией и спасательной службой в полной боевой готовности – пламя не успело сожрать тела и души людей.

Мисс Монтесорри сейчас была на рентгене – проверяют, есть ли перелом. Джек на очереди: осмотревший его врач ощупал рёбра и сказал, что проблема не только в отравлении.

По крайней мере, Джек надеялся, что правильно понял эскулапа: его испанский позволял общаться на общие и винные темы, но в медицине мог спокойно перепутать carbon с cabron¹. А некоторые испанцы и так излишне эмоциональны на этой почве...

Наконец сестра попала в вену, и кровь струйкой стала наполнять предназначенные для неё ёмкости. Глядя на эти сосуды, путешественнику казалось, что он прямо видит тёмные, суеящиеся наравне со всякими тромбоцитами и эритроцитами кусочки гари и сажи, которые из лёгких попали в красную жидкость жизни. Чтобы отогнать дурацкий образ, Джек отвернулся и сделал глубокий вдох кислорода. Сколько ещё носить эту маску?

Спустя час Джек всё ещё сидел в приёмной, но уже с рентгеном, двумя сломанными рёбрами, без маски на лице, и слушал врачебные рекомендации. Помимо того, что сейчас нужно аккуратно двигаться, больше бывать на улице и в случае приступов астмы применять ингалятор, он узнал, что мистера Хавьера стабилизировали и состояние пусть и тяжелое, но дающее надежду. Подробности говорить не стали, сказали – дождутся родственников. Джеку же посоветовали взять отпуск и отлежаться недельку.

Что поделывать, если он и был в отпуске, да только тот начался не слишком удачно?

Джек сошёл с самолёта из Франкфурта в Барселоне рано утром. Пока длился полёт, его очень развлекла беседа с девочкой лет девяти, которая сидела рядом. Она деловито играла со своей куклой, задавая ей взрослые вопросы, типа: «Чем хочешь заняться? О какой работе мечтаешь? Думаешь, тебя будет она радовать?». А когда ей надоело разговаривать с куклой, она начала задавать аналогичные вопросы Джеку:

- А чем вы занимаетесь, мистер? – на её серьёзном лице застыл вопрос.
- Называй меня Джек.
- Не увиливайте от вопроса! – девочка подняла тонкий пальчик вверх, как строгая учительница. Джека это позабавило, и он ответил:
- Я сомелье и дегустатор.

¹ Carbon – уголь, cabron – козёл.

Здесь у девочки впервые проявилось чисто детское выражение лица – непонимание. Эти слова ей ничего не говорили, и она, потеряв дар речи, не могла задать уточняющий вопрос.

Джек тихо засмеялся:

– Это не такая уж известная профессия.

Девочка продолжала смотреть на него удивлёнными глазами, ожидая разъяснений.

– Сомелье и дегустатор – это те люди, что разбираются в вине. Дегустатор определяет, хорошее ли вино, а сомелье всё знает о его происхождении, о том, как его наливать и как правильно пить.

– Это какая-то разновидность алкоголика? – на лице девочки появилось пренебрежение, которое оно явно впитала от кого-то из взрослых. Как и веру в свои безбрежные знания.

– Нет, – спокойно ответил сомелье. – С алкоголиками эта работа не имеет никакой связи.

– Моя мама говорит, что алкоголики вечно ввязываются во всякие проблемы, – вот и стало ясно, откуда гонор. – А мне не нужны проблемы.

Девочка отвернулась, смешно надув губы. Однако спустя пять минут не выдержала и задала волновавший её вопрос:

– А как правильно пить вино? Чтобы никто не догадался, что ты пьяный?

В Барселоне же светило мягкое октябрьское солнышко, лучи которого отражались от стеклянных поверхностей терминала аэропорта. Высокие пальмы вдоль дороги, по которой сновали такси, плавно покачивались, будто медленно танцевали в своем расслабленном ритме. Небо было бледно-синим, воздух тёплым, а таксист разговорчивым. Забронированный принимающей стороной отель оказался уютным и небольшим, в модном в последние годы стиле «отель-бутик». На завтрак Джек с удовольствием съел несколько ломтиков дыни с хамоном и запил эспрессо, который, в отличие от кофе из автоматов, подаваемого в популярных и массовых отелях, был терпким и ароматным. На столе лежала папочка с приглашением от мистера Хавьера, владельца семейной винодельни к югу от Барселоны. Его секретарь мисс Монте-сорри предлагала ознакомительную поездку по bodega² с возможностью обсудить перспективы сотрудничества.

Если уж предлагают оплатить отпуск и хорошую гостиницу, почему бы и нет?

Джек считал себя неплохим специалистом, так что приглашение, которое он получил от испанской винодельни, бальзамом пролилось на его самолюбие. К тому же, этот визит можно было бы использовать и для расширения будущих деловых контактов.

Барселона всегда привлекала Джека. Мягкий климат, куча мест для общения, хорошие тренажерные залы и большой променад для утренних пробежек. Не говоря про обильную винную культуру, в которой можно было встретить как простые вкусы, так и уникальные сочетания.

Встреча с секретарём владельца винодельни должна была состояться в час, после чего снова перелёт. Однако Джек явно не ожидал, что заехавшая за ним машина вместе с миловидной и серьёзной секретаршей завезёт их сразу на территорию аэропорта, в VIP-терминал. Там была условная проверка, блестящие улыбки, тихая музыка и отличный гевюрцтраминер с богатым вкусом.

Как только белое вино коснулось языка, Джек увидел Эльзас. И хотя Гиссами был чисто испанской маркой вина, с гевюрцтраминером у него ассоциировалось только одно место. Запахи и вкусы напоминали о трудолюбии, о достойной награде тому, кто готов был трудиться и вкладывал все силы в свой виноград. Картинка, как всегда, была яркой, чёткой настолько, что Джек по-детски переживал, что её сияние будет видно через глаза.

Поэтому, пробуя вино, он всегда закрывал глаза. Именно в этот момент к ним присоединился сам мистер Хавьер.

² Bodega (исп.) – винодельня

– Рад вас видеть, молодой человек, – крепкое рукопожатие и прямой взгляд человека, знающего себе цену и примеряющегося к новому активу. – Спасибо, что согласились помочь моей скромной винодельне. Моя помощница сообщила, что вы прекрасный специалист.

– Вы мне льстите, мистер Хавьер, – Джек слегка засмутился и посмотрел на мисс Монтесорри. Та держала в руках бокал и с улыбкой наблюдала за Джеком.

– Тем более для меня честь посетить, как вы говорите, вашу «скромную винодельню», – Джек не лукавил. Несмотря на отсутствие огромных оборотов, как у гигантов винного бизнеса в Испании, эта винодельня славилась качеством и ценой бутылки. Никакого ширпотреба – только высший класс.

Это, кстати, была ещё одна причина, по которой Джек согласился лететь – слишком заманчивая строка в портфлио.

Пока они ожидали посадки на самолёт, мистер Хавьер долил себе и Джеку белого вина, а мисс Монтесорри от добавки отказалась. Пригубив свежий гевюрцтраминер, хозяин bodega спросил:

– Скажите, пожалуйста, Джек, – разрешите называть вас просто Джек? – молодой человек ответил кивком. – Так вот, скажите, пожалуйста, сколько лет и у кого вы учились своему ремеслу?

– В общем я отучился пять лет. Часть этого срока я провёл во Франции, где начал с сомелье, а затем меня пригласили и к дегустаторам. После решил поработать во Франкфурте, где и по сей день продолжаю учиться, – Джек покрутил бокал в руке, рассматривая разводы на его стенках. – Мой куратор очень уважает вашу винодельню и передавал вам привет, – Джек протянул мистеру Хавьеру визитную карточку с золотой полосочкой.

Судя по реакции, мистер Хавьер узнал имя и вежливо попросил передать лучшие пожелания в ответ. После чего снова задал вопрос:

– Ваш наставник, насколько я помню, испытывал симпатии к креплёным винам. А каковы ваши вкусовые пристрастия?

– Обычно предпочитаю красные вина без декупажа. Единственное исключение – каберне. Его вкус, несмотря на популярность, я не слишком люблю, – увидев, что лоб мистера Хавьера пересекла вертикальная морщина, чуть поспешно добавил. – Однако мой анализ каберне на экзамене назвали непредвзятым и чётким. Я не примешиваю личные симпатии к работе.

Лоб заказчика разгладился, и хозяин винодельни сделал небольшой глоток белого вина. Подержав мгновение напиток во рту, он проглотил и задал следующий вопрос:

– Какая закуска, по вашему мнению, больше всего подходит к этому гевюрцтраминеру?

Мистер Хавьер хитро глянул на молодого сомелье, и тот вернул ему улыбку:

– Сегодня к вину лучше всего подать тонко порезанное белое мясо курицы. Погода и атмосфера располагают. А вино – тем более.

Мистер Хавьер молча поднял бокал, Джек ответил тем же жестом.

– Думаю, мы сработаемся, – произнёс мистер «возможный работодатель», быстро превращаясь в настоящего работодателя. – Вы приняты для этого задания. А теперь давайте полетим – не терпится услышать ваше мнение на месте.

Джек поставил бокал обратно на стол. Жаль, что не было возможности дотить отличное вино – вкусовым рецепторам нужно было быть максимально чистыми.

После терминала они практически сразу вышли к самолёту. Маленькая, быстрая машинка сверкала плоскостями на испанском солнце. Темно-синие полосы на бортах добавляли серьёзности, хотя сам силуэт покорителя неба будто говорил: «я лишь прикидываюсь серьёзным».

Капитан уже стоял у трапа, приветствуя гостей. Рядом с какими-то большими гудящими ящиками стояла пара техников в наушниках, сверяя что-то по своим планшетам.

Джек внимательно изучал необычную для него обстановку, впитывая новые впечатления. Пока один из техников не повернулся в его сторону. Увидев Джека, он вскинул руки, сначала резко дёрнулся, но потом замедлился и пошёл не спеша. И лишь сделав шага четыре, громко спросил:

– Джек, ты ли это?

Карие глаза Джека впились в лицо техника. Голос был удивительно знаком, но подозрения...

Подозрения не оправдались. Это действительно был Кит. Махнув рукой охраннику, который уже отделился от стены терминала и собирался выдвинуться наперерез технику, Джек раскрыл руки для объятий. Кит стянул наушники и с удовольствием обнял Джека.

– Какими судьбами, Джек? Мой брат уже сто раз спрашивал, куда тебя занесла нелегкая. А оказывается, ты пересел на частные авиалинии, – и с улыбкой кивнул в сторону самолётника.

Кит – старший брат друга детства Джека. Но, как и все младшие братья, они стремились общаться со старшими. Благо, что этот не слишком запрещал, а игровая консоль, на которой почти каждую неделю шла заруба не на жизнь, а на смерть, предлагала общие точки интересов.

– Да расслабься, Кит. Меня просто пригласили на виноградники посмотреть. По-дружески.

Кит хохотнул.

– Тебе всегда в этом везло. А вот мой брат застрял в каком-то гадюшнике. Но ты и сам знаешь, – гадюшником Кит называл один из банков первой американской пятёрки. – Говорит, что перспективы есть...

Джек лишь улыбнулся. Кит всегда был экспрессивным, в отличие от младшего брата Макса. Это сказывалось как в играх на консолях, так и в реальном мире. Видимо, к железякам Кит относился гораздо спокойнее, нежели к людям.

– Самолёты тебя ещё не достали? – ехидно уточнил Джек.

– Ты что?! Это моя радость и моя жизнь! – старый друг даже покачал головой. – Конечно, и от этой работы иногда устаешь, но в сравнении с занудством Макса здесь просто великолепно.

Старые друзья широко улыбались, глядя друг на друга. Однако тут Кита окликнул второй техник, топорща красивые усы на типично испанском лице, сверкая глазами и упоминая в одном предложении и Деву Марию, и что-то из межполовых отношений. Кит ответил, что идёт.

– Ладно, Джекки. Я рванул, готовить твою птичку к взлёту, – крепкое рукопожатие напоследок. А затем, уже отойдя на шаг, снова обернулся и добавил:

– Эй, Джек!

– Да, Кит?

– Береги себя! Эту штуку хорошо трясёт на ухабах. Так что пристёгивайся, даже если стюардесса начнёт танцевать стриптиз. И Джима на руку посади – а то на каком-нибудь ухабе отрастит крылья и улетит.

И махнув рукой, подбежал к коллеге, кивая и надевая обратно наушники.

Джек покачал головой, но, когда уселся в мягкое кресло, всё-таки послушал совета старого друга: пристегнул ремень и снял кулон с осьминогом с шеи и повязал его на запястье. Восьминогое существо таинственно ухмылялось, будто знало что-то важное.

Вот и сейчас Джим смотрел с прикроватной тумбочки, опираясь на кошелёк, будто спрашивая: а что думаешь ты?

Если признаться честно, мысли были далеко не радужные. Большую часть полёта всё было равно, даже воздушных ям не было. Только в самый последний момент, буквально за пять минут до катастрофы, действительно стало трясти. Как ни странно, именно в тот момент Джек расслабился – не зря Кит его пугал. Но затем последовало объявление об аварийной посадке, просьба пристегнуть ремни и оставаться в своих креслах. Мистер Хавьер быстро опрокинул

в себя недопитый кофе, Мария Хуарес зашептала – видимо, молитву, – Рон Гидеон вжал голову в плечи, а мисс Монтесорри, которая до этого как раз пыталась не разлить стакан с водой, секунду замешкавшись, уронила его на пол и кинулась к сиденью.

Самолётик пошел на снижение. Пилот передал на общую связь, что зайдёт на старый военный аэродром неподалёку. Но потом по машине прошла волна вибрации, пилот матюгнулся и отрубил вещание. И кишки остались на высоте, а тела полетели вниз.

Дальше было темно.

И теперь Джеку казалось, что Кит, старый добрый друг Кит, как-то причастен к этому происшествию. Не зря же он предупреждал...

Невесёлые размышления прервала медсестра, которая принесла документы и сообщила, что Джек может идти.

– Скажите, а мисс Монтесорри уже выписали? – Джеку всё равно некуда было идти, поэтому хотелось бы узнать, что можно сделать.

– Пока нет, но её документы готовят. Мы бы хотели её задержать, но она не слушается врача, – медсестра качала головой. – Если вы хотите дождаться её, посидите в приёмной – она выйдет вслед за вами.

Джек поблагодарил сестру, взял бумаги и личные вещи, вернул Джима на шею и вышел, стараясь не ускорять шаг. Вместо того, чтобы сидеть в приёмной, он вышел на улицу – ужасно хотелось свежего воздуха. Пока он сидел в самолёте, горел в нём, а затем снова сидел, но уже в больнице, наступила ночь. Сумерки проскользнули незамеченными, фонари освещали полупустую стоянку у госпиталя. У входа стояла скамеечка, на которой сидел дедуля, покуривая сигаретку. От его руки тянулась трубочка к мешку с физраствором, который висел на этой специальной медицинской палке-вешалке.

Джек взглядом спросил разрешения присесть рядом, получил утвердительный кивок, уронил пятую точку на ещё теплые деревяшки и с вздохом откинулся на спинку. Рёбра, туго стянутые медиками, тут же дали о себе знать, но он постарался расслабиться. Как ни странно, это помогло.

Дед жевал сухими губами свою сигаретку, пуская тонкие струйки дыма в сторону от Джека, который смотрел в тёмное небо. До него начало доходить, что сегодня он мог расстаться с этим небом и землею навсегда. И что в этом мог быть замешан его друг. В груди скрутило, но не физической болью, а каким-то другим напряжением. Рука коснулась кулона на шее, будто ища в нём поддержки. И в этот момент дед закашлялся, схаркнул в сторону мусорника, и, вставая, тихо пробормотал себе под нос:

– Ты так и не пришла, – потушил сигарету о край мусорника. – А ведь обещали всего три месяца, а уже четвертый пошёл.

После чего повернулся к Джеку и сказал:

– Buenas noches.

– Buenas noches, señor.³

Джек смотрел вслед уходящему старику и понимал, что сегодня Смерть работает по какому-то иному графику.

³ Buenas noches (исп.) – Спокойной ночи

Глава 3: Культ Ктулху в поисках Некрономикона

Девушка вышла из больницы ещё минут сорок спустя. Опираясь на костыли, она лихо переставляла, при этом бухтя и возмущаясь:

– Ленивые паразиты! Стоит начальнику ненадолго слечь, как сразу же начинают отлынивать. А уж эти мадридские самолёты! А эти палки!

Мисс Монтесорри остановилась около скамейки, потрясла костылями, будто призывая окружающий мир оценить неадекватность её способа передвижения. И только после этого обратила внимание на Джека, который с улыбкой за ней наблюдал. Судя по всему, она смутилась – щёки залило румянцем, голова слегка вжалась в плечики.

– С этими палками я не могу разговаривать по телефону на ходу. Каждый раз приходится останавливаться, – девушка вздохнула. – Из-за этого задержалась.

Джек понимающе кивнул, продолжая улыбаться. А затем постарался деликатно уточнить:

– Мисс Монтесорри, у меня возник вопрос: а что делать мне в этой ситуации? Могу ли я ехать домой? И если да – не подскажете, как добраться до аэропорта и забронировать билет?

Девушка сердито дунула, сгоняя упавшую на лицо прядь, и ответила:

– Во-первых, называйте меня Карен – мне не семьдесят лет, чтобы обращаться ко мне всё время по фамилии. Во-вторых, мы просим вас остаться и всё-таки доехать до нашей bodega – несмотря на произошедшее, ваша помощь как специалиста нам очень нужна, – тут девушка запнулась, а затем скороговоркой выпалила, – И вообще, пока мистер Хавьер в больнице, мне нужен кто-то рядом.

И добавила уже совершенно тихо, опустив голову:

– Мне всё ещё страшно...

У мужчины внутри всё перевернулось. Когда женщина говорит такое, внутри просыпается древнее чувство, желание защитить. Джек не выдержал. Он аккуратно поднялся и обнял эту девушку. Это не был флирт, это не была эротика. Это была самая настоящая дружеская поддержка, когда человеку просто нужно почувствовать чьё-то плечо рядом, чьё-то понимание. От того, кто действительно знает, о чём идёт речь.

Спустя полминуты Карен отстранилась, вытирая выкатившуюся слезу. Снова оперевшись на костыли, она посмотрела на Джека снизу вверх и сказала просто:

– Спасибо.

Лицо этой девушки не было безумно красивым. Милая, симпатичная, аккуратная. Всё это было сейчас запрятано под криво подгоревшие волосы, царапины и всё ещё заметный запах гари. Джек подумал, что, наверное, и сам сейчас выглядит и пахнет примерно так же.

– Миссис Хавьер уже приехала к мужу. Значит, мы можем перебраться в гостиницу. Я забронировала нам пару номеров тут неподалёку. Едете?

Джек поколебался немного, всё-таки всё произошедшее было совсем выходящим за рамки. Тем более, хотелось быстрее узнать про Кита. Но вежливость, усталость, да и просто желание заработать говорили о том, что нужно доделать работу до конца. Поэтому он ответил:

– За плотный ужин и бокал красного Торреса я готов задержаться ещё ненадолго.

Девушка улыбнулась в ответ.

Такси быстро довезло их до гостиницы, которая оказалась совсем небольшой. Видимо, у Карен была тяга к маленьким гостиницам, в которых мало номеров и хороший сервис. Несмотря на поздний час, администратор организовала ужин, заказав его в соседнем ресторане («наш повар уже лёг», – отметила она). На тарелках оказались куски нежной телятины под грибным соусом, с красивой пирамидкой отварного риса. И разумеется, всё в сопровождении бутылки красного вина от одного из самых известных винных домов Испании.

Терпкий темпранильо⁴ возвращал на землю, где бы ты сейчас не находился – в раю или в аду. Он заземлял, напоминая о тягучести земных дней и их наполненности своим тяжелым ароматом. Это было именно то, что нужно людям, пережившим падение с небес и оставшихся живыми несмотря ни на что.

Разлив по второму бокалу, Карен провозгласила тост памяти:

– За пилота, Мигеля. Пусть упокоит Господь его душу.

– За Мигеля, – Джек тихо повторил незнакомое имя неизвестного ему человека. Их судьбы были связаны всего пару часов, но как драматично они разошлись в разные стороны. Не чокаясь, они сделали по несколько глотков. Хмельной напиток начал стучаться в голову – стресс давал о себе знать.

Джек хотел было предложить остановиться, как мисс Монтесорри поставила бокал на стол и показала, что с тормозами у неё всё в порядке:

– Мне кажется, пора заканчивать. День оказался непредвиденно тяжёлым. Для всех нас.

– Это точно, – Джек покачал головой. – Давайте я провожу вас до номера, и будем отдыхать.

Вежливо поблагодарив администратора за поздний ужин, молодые люди покинули полутёмную комнату ресторана. За их спинами зазвенела посуда, закрипели стулья. Они молчали – сил говорить о чём бы то ни было не оставалось.

У двери шестого номера Джек оставил Карен, пожелав спокойной ночи, а сам завалился в свой девятый – они оказались почти друг напротив друга. Включив лишь прикроватный светильник, он разделся, расстелил кровать. Впервые подумал о том, что его багаж остался в горящем самолёте вместе со сменой белья. Наплевал на это и залез в душ. Тугие горячие струи как всегда мягкой и дезодорированной воды массировали напряжённое тело, смывали грязь и боль. Медицинский корсет, надетый на грудь, быстро намокал, но Джеку было всё равно. Шум воды да пар позволяли забыть о том, как часть внутренностей оставалась на большой высоте, в то время как он сам падал вниз.

Обтеревшись полотенцем и завернувшись во второе, чтобы корсет на груди не слишком намочил кровать, Джек лёг. Усталость накатила той самой волной-убийцей, которая уничтожает любые сознательные преграды. Он отключился, погрузившись в сон.

Но темноту спустя пару минут, как показалось Джеку, прервал громкий, яростный стук в дверь. Мужчина дёрнулся в кровати, кинул взгляд за окно, но там вместо тёмной ночи действительно был яркий свет. Утро настало стремительно и неожиданно. Но, по мнению Джека, это всё равно не было достаточным поводом для такого раннего и активного стука.

Кое-как выбравшись из кровати, чувствуя, как болит грудь и тянет рука, Джек накинул халат, который предоставлял отель, и подошел к двери.

– Кто там?

– Это я, Карен. Мисс Монтесорри. Джек, откройте, это очень важно.

Взволнованный женский голос старался говорить тихо, но чувствовалось, что в нём проscalaзывают нотки паники.

Джек щёлкнул замком, впуская в свою сонную обитель влетевшую вихрем девушку.

– Случилось что-то с мистером Хавьером? – задал вопрос мужчина.

Девушка ходила вдоль кровати туда-сюда, будто задумавшись. Произошедшее, видимо, так сильно выбило её из колеи, что она наплевала на костыли и боль.

– И да, и нет, – наконец она ответила. – Сам мистер Хавьер всё ещё жив, его жена даже говорит, что ему становится лучше, хотя врачи осторожничают.

– Тогда в чём дело? – Джека это начало немного раздражать. Боль в груди усилилась, а отдохнуть за краткий миг беспамьятства не удалось.

⁴ Темпранильо – сорт красного винограда

Карен потрясла головой:

– В его телефоне. Точнее, в сообщении, которое ему прислали, – она достала из сумочки навороченный смартфон с большим экраном и крышкой корпуса под дерево. – Я забрала его в больнице, чтобы поддерживать дела. Обычно он сам его мне отдаёт, когда занят. Но сегодня рано утром пришло вот это видео-сообщение.

И она, открыв почтовый ящик, кликнула на ссылку в одном из e-мейлов. Появилось тёмное изображение, в середине которого стоял человек, одетый в какой-то плащ. На лице у него была отвратительная маска – казалось, по ней текла мерзкая жижа. Пару секунд человек стоял молча, в затем заговорил изменённым в программе голосом, низким и неприятным:

– Хавьер! Ты знаешь, кто я! И ты знаешь, почему ты видишь это сообщение! Твои братья по Ктулху недовольны. Ты обещал найти Некрономикон и передать его нашему богу. Ты обещал, поклявшись на рыбьей крови и на своей. Ты не выполнил обещания. А значит, будешь наказан.

В кадр, прямо на камеру был брошен сначала осьминог, а затем и какие-то кровавые (по крайней мере, красные) ошметки. Всё это медленно стекало по экрану с той стороны. Казалось, что кому-то захотелось потренироваться в съёмках ужастика, да и только. Но последние секунды дали понять, что всё серьёзно.

– Мы знаем – ты жив. Мы наблюдаем за тобой. Ктулху даёт тебе время, чтобы ты добыл Некрономикон. Бог заждался.

И сменившийся кадр показал, как небольшой самолёт с синей полоской на боку резко теряет высоту, цепляет крылом дерево, вламывается в апельсиновый сад, как начинают появляться первые язычки пламени.

«Самолёт, на котором падали мы». Эта мысль приходит Джеку, и он закрывает ладонью экран. Карен прикрывает рот тыльной стороной ладони, сдерживая свои эмоции. Видео заканчивается и звук пропадает. И только сейчас Джек слышит, как за окном проезжают машины, переговариваются люди, звенит звонок велосипеда и гудят голуби.

А в комнате стоит мёртвая тишина. Пока не раздаётся звонок, теперь уже на телефоне самой Карен. Спустя пару «Si», «Si, senior», она кладёт трубку и, глядя Джеку прямо в глаза, говорит:

– Нас вызывают в полицейский участок. Прямо сейчас. Патрульная машина уже на подходе.

Единственная мысль, которая оказалась в голове у Джека в этот момент: а не будет ли он сам похож на Ктулху в своей грязной старой одежде?

Глава 4: Нереальная реальность

Двое патрульных оказались очень вежливыми и очень внимательными молодыми людьми с увесистыми кобурами с Глоками на поясах. Они проследили, чтобы Джек и Карен, которая наконец ощутила усталость в ноге после своих прыжков без костылей, сели в машину и на большой скорости доехали до местного полицейского участка. Правда, по дороге полицейские поинтересовались, как позавтракали наши герои, а получив ответ, что не успели, даже остановили машину у ближайшей заправки, взяли пару бутербродов, круассаны и кофе. Подавая горячие стаканы, патрульный с узкой бородкой, понизив голос до театрального шепота (т.е. так, чтобы слышали даже на той стороне улицы), сообщил, что в участке кофе бесплатный, но несъедобный.

Жуя бутерброды и запивая нормальным кофе, Джек немного расслабился. Хотелось верить, что полиции нужно совершенно другое, а не Некрономикон, о котором заявила противная морда с экрана.

На деле всё обстояло ещё проще: их вызвали как свидетелей и пострадавших в деле об авиакатастрофе. Начальник участка лично принял их в своём кабинете, приказал секретарю принести воды (извинившись за местный кофе и ранний вызов), после чего попросил молодых людей рассказать всё, что связано с предполётной подготовкой и самим полётом:

– Понимаю, это нелегко, – сочувственно произнёс начальник. – Но чем быстрее мы сможем составить представление о случившемся, тем быстрее сможем наказать виноватых.

– А есть виноватые? – Джек решил сделать вид, будто не видел сегодня утром видео с падением их самолёта, и считает, что это просто авария.

– Они всегда есть, мистер Сойер. Особенно в авиации. Видели бы вы их протоколы! Там есть имя ответственного за каждый винтик! – полицейский покачал головой, осознавая, что такой дотошности в других сферах пока что нет. Его круглая лысая голова покоилась на таком же круглом теле. Портному явно пришлось постараться, чтобы костюм сидел ровно и хорошо выглядел. Несмотря на свои пропорции, начальник полиции оставался настоящим служителем закона, и его глаза внимательно следили за сидящими перед ними людьми.

Единственный вопрос, который его пока реально интересовал: нервничают они из-за того, что что-то знают или всё-таки из-за того, что с ними случилось.

– Специалисты из МАК⁵ обнюхивают каждый сантиметр земли вокруг самолёта, чтобы выяснить причину катастрофы. А нас попросили пообщаться с вами. Поэтому расскажите, что и как происходило, – шеф полиции сделал заинтересованное лицо, а секретарь включил диктофон и приготовился делать пометки в своих бумагах.

Джек вспомнил о событиях вчерашнего дня. Рассказал о ВИП-терминале, о том, что выходили прямо на полосу. О встрече со старым другом Китом. Здесь Джек на секунду задумался, говорить ли о его предупреждении. А потом решил, что всё равно не знает местных контактов старого друга, поэтому и высказался.

– Буквально перед тем, как отойти, Кит сообщил, чтобы я пристегнулся, будет турбулентность. Я послушался его совета, – про то, чтобы перевязать кулон, Джек решил всё-таки не говорить. – В полёте воздушных ям долго не было, пока буквально за несколько минут до аварии не начало трясти. Потом пилот объявил о том, что необходима аварийная посадка и сядем в ближайшем городе. Я предполагаю, что в вашем. Но потом самолёт резко потерял высоту, а дальше не помню – темно. Пришёл в себя в горящем самолёте, попытался вылезти. Удалось чудом и с чьей-то помощью.

⁵ МАК – Межгосударственный Авиационный Комитет

– Пожарные подоспели, – откомментировала Карен. – Они прибыли на место крушения буквально через десять минут после падения. Вы были без сознания, Джек. Ещё раз простите.

Джек вежливо улыбнулся. А что ещё оставалось?

История мисс Монтесорри отличалась лишь деталями, упоминанием мистера Хавьера, деловыми вопросами. Те же ощущения, падение, краткий миг забытья и прищемлённая нога. Её не сломало, но был вывих с растяжением. Поэтому неделю нужно было ходить на костылях с фиксированной ногой. Последний факт девушка произнесла с возмущением, и Джек решил, что девушка постарается соскочить с костылей как можно быстрее. А пока они лежали рядом с креслом, на которое усадили её офицеры полиции.

Шеф слушал молча, кивал, а когда оба закончили, тяжело вздохнул и сказал:

– Спасибо за сотрудничество, уважаемые. Надо будет отдельно поговорить с этим Китом. Хотя мне кажется, что это была просто дружеская поддержка. Высказанная не вовремя. Но проверить надо. Посидите сейчас в приёмной, мы подготовим кое-какие документы.

Раскланявшись, Джек с Карен вышли из кабинета. Секретарь начальника полиции указал на потёртые кожаные диванчики, и ушёл, оставив молодых людей в одиночестве. За всё время ожидания мимо прошло всего нескольких полицейских. Либо помещение было вне основных маршрутов служителей закона, либо пересменка уже закончилась.

Посидев минут пять в тишине, Джек потербил Джима на шее, понял, что в отличие от него, осьминог душ не принимал и требует чистки. Металл покрывали следы грязи. Отметив, что надо будет по дороге купить специальных салфеток, Соьер всё-таки решил, что нужно прояснить и другие планы на ближайшее будущее:

– Карен, давай на секунду представим, что всего происходящего нет. Будто всё прошло по плану. Какую конкретно работу я должен был сделать на винодельне? Вы были не слишком многословны по телефону и e-мейлу. Единственное, что я понял, что у вас несколько новых сортов вин, которые вы хотели, чтобы я попробовал. Что за вина?

Мисс Монтесорри оглядела лицо Джека, после чего ответила:

– Это экспериментальные вина, разработка самого мистера Хавьера и пары его доверенных технологов. Он возлагает большие надежды на него. Но дело в том, что он собирался подписать с вами договор о неразглашении – именно для этого с нами летел адвокат Гидеон. Рон специализируется на таких вещах, на защите интеллектуальных прав.

– Смотрю, всё очень серьёзно! Но хоть цвет вина сказать можно?

Карен тихонько рассмеялась.

– Слышала, что в одной бочке точно есть красное. А всё остальное – не знаю. Я же говорю, что это проект Хавьера и он никого к нему не подпускал! И ему нужны были именно вы!

– Почему?

– Потому, что о вашем таланте различать особенности вкуса уже ходят легенды. В узких кругах, разумеется, – Карен закончила фразу легкой улыбкой.

– Сумасшедшие виноделы... Хотелось бы верить, что самолёт уронили не из-за бочки экспериментального вина.

Молодые люди стали серьезными. С другой стороны, какая разница, из-за чего. Может, действительно, просто «повезло».

Напряженная тишина была прервана секретарём начальника полиции. Он принёс документы, указывающие, что на время расследования не рекомендуется покидать город. Но затем добавил:

– Но поскольку мы знаем, как важно поддерживать bodega, вам разрешено в случае необходимости съездить и туда, – Карен взяла бумаги, молча кивнула в благодарность. После чего секретарь добавил:

– Звонила миссис Хавьер – её муж пришёл в себя. И сразу же начал спрашивать про винодельню, вас и мистера Соьера, – от этой новости мисс Монтесорри вся встрепенулась.

Джек же, наоборот, напрягся, вспоминая утреннее сообщение. – Шеф предложил вас подвезти. Спускайтесь к выходу, те же патрульные, что привезли вас сюда, доставят к порогу больницы.

Оставалось только поблагодарить шефа за такую щедрость и поддержку.

Джек настоял, чтобы по дороге офицеры заехали на очередную заправку, и в этот раз уже сам купил им и себе кофе в комплекте с булочками с карамелью. А заодно взял на кассе салфетки для чистки салона машины – осьминог на шее всё ещё был грязным, и его хотелось протереть.

Больница встретила гостей гулом посетителей, писком приборов, шорохом ног и быстрыми переговорами медицинского персонала. Уточнив у медсестры палату, Джек и Карен выдвинулись в дальнее крыло больницы – какую-то специальную то ли реанимацию, то ли интенсивную терапию. Здесь мистера Хавьера отделили от общей палаты ширмой, за которой сидела посеревшая от усталости и страха женщина. Она встала, когда Карен и Джек заглянули внутрь, и сразу же обняла девушку:

– О, Карен! Как хорошо, что ты цела!

– Как он?

– Спит. Врачи не хотят давать ложных надежд, но я вижу, что он отошел от порога смерти.

Мисс Монтесорри повернулась к Джеку и сказала:

– Миссис Хавьер бывшая медсестра. И уже один раз вытащила своего мужа с того света.

Джек вежливо поздоровался с женщиной, аккуратно подав ей руку.

– Извините нас за всё произошедшее, – миссис Хавьер сжала ладонь молодого мужчины. – Головой я понимаю, что это зависит не от нас, но сердце всё равно кровью обливается, когда думаешь, что вы могли...

Женщина сжала губы, чтобы сдержать слёзы. Карен взяла её за руку, а затем обняла. Она служила опорой для этой женщины, как вчера опорой для неё самой был Джек.

Тут раздался тихий свист, похожий на смех. Все стоявшие бросили взгляды на кровать: мистер Хавьер, дышащий через трахеостому, с царапинами и ушибами на лице, накрытый тонким больничным одеялом, открыл глаза и смеялся. Его жена бросилась к нему, обняла и поцеловала. После чего, увидев, что тот тянет руку к горлу, сама вытащила трубки и заткнула отверстие пальцем.

Смех стал слышимым:

– Стоило мне уснуть, как к моей жене приставать начинают? А я думал, ты работаешь на меня, – Карен даже покраснела от такой шутки. Хавьер сделал глубокий вдох, как будто набираясь сил перед нырком. – Дорогая, не заставляй меня ревновать, я же сейчас ничего не могу сделать.

– *Mi corazón*⁶...

Жена второй рукой погладила щеку своему мужу. Взгляд мужчины сфокусировался на ней, а потом он перевёл его снова на Карен:

– Как мистер Сойер? – видимо Джека он не видел. Поэтому пришлось сделать шаг поближе, чтобы попасть в фокус:

– Я здесь, Мистер Хавьер.

Глаза человека в кровати слегка затуманились, а затем снова сфокусировались, но уже на приезде.

– Отлично. Вы уже попробовали моё вино?

– Дорогой? – миссис Хавьер встревожилась.

– Нет, мы не успели, – Джек постарался ответить мягко. К сожалению, он подобное уже видел. Главное, чтобы это было лишь временным проявлением.

⁶ *Mi corazón* (исп.) – моё сердце

– Тогда отправляйтесь немедленно! Карен, проследи, чтобы Мария открыла все бочки в седьмом подвале. А после я жду подробного отчёта!

Эта тирада высосала все силы, и мужчина без сил откинулся на подушки. Миссис Хавьер хотела было что-то сказать, но Карен жестом показала, что всё хорошо. Молодые люди развернулись и уже почти покинули территорию за ширмой, как услышали тихую фразу:

– Иначе Ктулху придёт за всеми нами...

Джек обернулся посмотреть на мистера Хавьера, но вместо палаты увидел длинный тёмный коридор. По стенам текли тонкие струйки воды, а из мрачной глубины тянуло гнилью. Обернувшись обратно, он хотел спросить у Карен, что происходит, но впереди оказался тот же коридор, с теми же мокрыми стенами. И ни следа Карен или другого человека.

Джек хотел крикнуть, но рот почему-то не открывался. Запах гнили усиливался, наваливался, как лавина, со всех сторон. Становилось трудно дышать, и сломанные рёбра будто начали трещать под напором этой вони. Джек постарался сделать шаг, и это получилось. Под ногами хлюпнуло, тёмно-зелёная жижа с довольным урчанием всосала ногу.

За спиной раздались хлюпы. Будто по жиже шел кто-то ещё.

«Ктулху тебя подери! Что происходит?! Где я? Где все? Где больница?» К Джеку подкрадывалась паника, начинала душить наравне с вонью. Сделав ещё шаг в сторону, как казалось, противоположную чужим шагам, мужчина увидел два огонька. Два круглых огонька, будто к нему приближалось два кольца с пламенем, через которые прыгают тигры в цирке. Будто отзываясь на мысль, за пламенем пришёл тихий рык: довольный, радостный, от которого кровь начала стечь в жилах.

Джек понял, что ему стало дико холодно – пространство туннеля начало резко покрываться изморозью: стены, жижа под ногами, сам Джек. И лишь огоньки продолжали гореть и приближаться, жадно чавкая болотной жижей под пока невидимыми ногами.

А затем он увидел ЭТО. Вместе с ЭТИМ пришла оглушающая вонь, и мистер Сойер, сомелье и дегустатор с невероятным талантом, потерял сознание.

Последнее, что мелькнуло в голове Джека перед наступлением темноты: *«Да, Джим. Каберне нам никогда не нравилось»*.

Глава 5: От чего темнеет металл

Темнота баюкала Джека. Чёрные волны качали его, не давая возможности вынырнуть из потока. В темноте не было ничего: ни звука, ни запаха, ни касания, ни даже самого Джека. Только качающее ощущение, в котором хотелось раствориться, но не получалось.

Это длилось вечность. Ту самую, когда нет времени и опоры. Ту самую вечность, которой пугают и которую сулят. Вечность – это просто отсутствие часов на стене, неумение распознать время.

Но даже вечность заканчивается.

Волны сменили свой ритм. Из плавного ровного движения они превратились в дёрганные, резкие, болезненные. Сквозь плотный занавес стали просачиваться запахи, звуки, ощущения.

Запахи были знакомые и приятные: аромат одеколона, женских духов, дорогой крем для кожи. Вокруг этого танцевал запах чуть кислого вина, с ноткой мускуса. И как легкая полироль, всё это покрывал запах старого дерева, пыли и влаги.

Звуки были менее приятными: громче всего стоны, будто кому-то плохо на соседнем этаже. Затем какие-то крики, но будто с улицы за плотно закрытым окном. И барабанная дробь, ускоряющая свой темп и увеличивающая громкость.

Самыми неприятными были ощущения: давило грудь; какие-то тонкие щипцы вонзались в руки и плечи, трясли и стучали. И в лицо в такт обезумевшим волнам впивались острые осколки стекла.

Стекла от разбитого бокала.

Всё встало на свои места: и запахи, и тонкие пальцы Карен, стремящиеся привести Джека в чувство, и топот бегущих к ним спецов винодельни. А стоны, судя по всему, принадлежали самому Джеку. Открытие глаз стало событием покруче, чем презентация МакДональда в захудалой стране. Сразу посыпались вопросы из серии «Ты меня слышишь?», «Как ты?», «Ответь!».

Разве непонятно, что это нереально сложно...

Но всё-таки, собравшись с силами, Джек просипел:

– Я жив, – и подумав мгновение, добавил. – Воды!

Подбежавшая в этот момент Мария Хуарес протянула стакан, в который как раз налила воды из кувшина. Дрожащие пальцы аккуратно взяли стакан, но, если бы не тонкие пальцы Карен, нежно обхватившие дно посуды, лежать бы ему рядом с осколками от бокала.

Это было их первое касание с тех пор, как Джек дружески обнял Карен рядом с больницей. И в этот раз ощущения были совершенно другими...

Выпив воду, Джек почувствовал себя гораздо лучше. Будто смыло пелену с глаз. По крайней мере, её размазало достаточно, чтобы увидеть окружающую обстановку. И она несколько отличалась от того, что он помнил.

Коридора не было. Вокруг были сухие кирпичные стены с округлыми потолками. Ровный бетонный пол, на котором он сейчас полулежал, был покрыт лишь осколками да небольшими островками пыли по углам. За спиной мисс Монтесорри располагалась большая металлическая дверь, сейчас открытая, из-за которой выглядывало несколько озабоченных испанских лиц. На людях были белые халаты, сеточки для волос, бахилы.

Сделав небольшое усилие, Джек посмотрел за спину: там стояли внушительные, почти с него ростом, бочки. К одной из них уже был прикручен краник, и судя по каплям на нём и на полу, вино из новой бочки уже продегустировали.

Джеку осталось лишь соединить несколько точек в пространстве и времени, чтобы понять, что он как-то попал из больницы в винодельню. И явно не через пресловутый туннель,

ибо вони и гари больше не чувствовалось. Даже Джим смягчил ехидную улыбку, будто подбадривая человека.

– Что происходит и как я сюда попал? – тихо спросил Джек у Карен. Девушка заботливо ответила:

– Ты стоял, пил вино, раздумывал, как описать вкус. Слушал мою болтовню. А потом – бах! Прошипел что-то про Ктулху и упал на пол. Начал стонать. Прошло минут пять, за это время Мария сбегала за водой, а Рон вызвал врача – ждёт скорую снаружи.

Джек хмыкнул.

– Я бы хотел уточнить, как я попал в bodega после больницы.

У девушки округлились глаза:

– Ты что, не помнишь?

– Помнил бы – не спрашивал бы, наверное? Я так понимаю, что я всё-таки на работе?

Карен помолчала, оценивающе глядя на лежащего на полу мужчину. Однако не увидела ни смеха, ни признака шутки. Она покачала головой:

– Давай ты встанешь с пола, мы отойдём, и я расскажу, – после чего приказала заглядывающим служащим прибраться и принести чистый халат для Джека. Оставив Марию Хуарес в одиночестве, молодые люди отошли в сторону. Здесь мужчина увидел, что на маленьком столике стоят отпитые бокалы с вином. На одном из них была губная помада, как у Карен.

– Я даже не помню, как мы привели себя в порядок...

Мисс Монтесорри заглянула в глаза Сойеру:

– Не помнишь, КАК мы приводили себя в порядок? – интонация явно намекала, что в процессе происходило что-то большее.

Джек напряг память, но кроме коридора, ничего не всплывало. Обращаясь за поддержкой, он посмотрел на своего вечного спутника-осьминога. И блеск металла, как проблеск воспоминания, стал путеводным маячком...

...Он сидел на диване, в халате после душа. Грязную старую одежду выбросили, а взамен принесли новую. Карен принимала души на втором этаже, пока Джеку предоставили в распоряжение ванную комнату на первом. После больницы мисс Монтесорри пригласила его к себе домой, недалеко от винодельни.

Джек, как нормальный мужчина, закончил ваннные процедуры гораздо раньше, чем девушка. И не желая тратить времени просто так, достал купленные на заправке салфетки и начал протирать Джима. Именно за этим занятием его и застала Карен.

– Неужели он так быстро успел покрыться копотью?

Джек покачал головой:

– Дело не только в гари. Этот кулон сделан из серебра. Особенность этого металла в том, что он темнеет от времени. Но ещё и от негативных эмоций, как собственных, так и чужих: злость, страх, зависть, оскорбления.

Он бросил взгляд на девушку и закончил:

– А негативных эмоций за последние пару дней было предостаточно.

Карен коснулась руки, полирующей серебряного осьминога, провела пальцами по запястью.

– Это верно – последние два дня были далеко не радостными, – она приблизила лицо к Джиму, будто рассматривая его. А затем, оттуда же снизу, глянула прямо в глаза Джека. Он открывшегося вида у мужчины перехватило дыхание.

– Может, нам стоит добавить в жизнь немного положительных эмоций?...

Джек потряс головой. Дальнейшие воспоминания снова покрывал туман, разве что какие-то пятна и образы проскальзывали: как он застёгивает рубашку, как их приветствуют Мария Хуарес и Рон Гидеон рядом со входом. Потом он помнил запах каберне, шутку про то, что это далеко не самый его любимый сорт, но тем беспристрастнее он будет при его анализе.

И вот он делает глоток, анализируя вкус, вспоминая мистера Хавьера и то, как он бросил им в спину фразу. После этого он очухивается на полу.

– Джек, ты что-то вспомнил? – голос девушки вернул его обратно в погреб винодельни. – Хоть что-то?

– Что-то вспомнил... – девушка замерла. – Помню, как вышел из душа. Как чистил Джима, в смысле, осьминога. Потом помню, как ехали сюда, наших коллег по несчастью. Как налили бокалы и как мы все его пригубили. Ты сетовала, что нету Хавьера. И всё.

Девушка тяжело вздохнула и с болью посмотрела в лицо Джека.

– Про нас ты не помнишь? – Джек покачал головой, хотя ему очень хотелось вспомнить.

Тогда Карен кивнула, сжала губы. В этот момент как раз подросли люди со свежим халатом. Карен молча помогла снять светло-серый пиджак в красных пятнах вина, накинула ему на плечи белый халат. После чего повернулась к вошедшему в помещение Гидеону:

– Скорая подъехала. Мы не можем их пустить сюда, но раз Джек пришёл в себя – пусть выйдет. Его надо осмотреть, – низкий голос мужчины выражал обеспокоенность. Джек пожал плечами и пошел неловкими шагами вперёд. Столько падений за пару дней – плохая примета.

Оглянувшись напоследок, он увидел, как Карен вперила невидящий взгляд в стоящие у стены бочки, а затем опрокинула недопитый бокал с вином в себя. Девушка будто старалась, как и он, определить вкус вина, оценить его качество. Но лишь расстроено покачала головой. Джек отвернулся. Ему было очень дискомфортно из-за того, что он не помнил чего-то важного. Логика подсказывала, ЧТО он забыл. Но память отказывалась воспроизводить этот момент.

И почему-то странным показалось и то, что свежеччищенный от налёта осьминог вновь покрылся тонким тёмным слоем.

Глава 6: Ламберджек

Врач скорой оказался молодым бойким парнем, явно только закончившим резидентуру. Быстро убедившись, что серьёзных повреждений после падения нет, он аккуратно очистил ранки на лице от мелких осколков стекла, продезинфицировал, нанёс какую-то мазь для заживления. Поинтересовался, что ели в последнее время, что происходило. Узнав, что Джек побывал в авиакатастрофе, врач на секунду замер, а потом усмехнулся и сказал:

– Так это вы, – оглядев всех четырёх людей, стоявших рядом с ним. – Вы все были в том самолёте? И спустя день уже пьёте вино? Молодцы, ребята, вы бы ещё про наркотики вспомнили. В вас же влили столько лекарств, алкоголь мог просто вырубить печень или сердце.

Он замолчал и покачал головой. У него ещё не выветрились оптимизм и лёгкая наивность молодости, поэтому он активно удивлялся человеческой глупости. И хотел лучшего для людей.

– Джек, как я понимаю, вы не собираетесь вновь ехать в больницу на обследование? – в ответ Джек покачал головой.

– Значит, давайте сделаем так: на всякий случай я возьму у вас и у ваших коллег кровь для анализа. Уточним параметры и удостоверимся, что ничего вам и вашему здоровью не угрожает, – увидев, что адвокат, технолог и Карен собираются спорить, он продолжил, – или вас всех придётся принудительно отправить на госпитализацию. А то ведёте себя как малые дети!

Всем пришлось согласиться. Хотя, видя его молодецкую прыть и профессиональное рвение, отказывать как-то не хотелось – человек искренне стремился помочь. Помимо этого, никто не хотел возвращаться обратно в больницу – она служила слишком ярким напоминанием о падении...

Собрав пробирки с кровью, врач запрыгнул в машину, махнул рукой и напоследок крикнул:

– Подождите хотя бы пару дней, прежде чем пить! Иначе всё может повториться.

Джеку совсем не хотелось повторять произошедшее. Мерзкие галлюцинации и локальная амнезия, о которой он сказал врачу как о спутанности сознания, мутности – вещи далеко не самые приятные.

Скорая скрылась за поворотом. Рон Гидеон откланялся, и, зажимая ранку на сгибе руки, пошёл в прилегающее к винодельне небольшое двухэтажное здание. Там располагался офис компании. Мария Хуарес сказала, что наведёт порядок внизу и обеспечит сохранность вина мистера Хавьера. Джек посмотрел на Карен, изучая её напряжённое лицо:

– Карен, я хотел бы узнать... – но девушка его перебила.

– Нет, Джек. Я... я не хочу об этом говорить. Сейчас, – она вернула взгляд мужчине. – Последние дни действительно слишком сильно переполнены негативными эмоциями. Давай не будем добавлять ещё. Пусть это будет просто хороший сон. Хотя бы для одного.

Она повернулась в сторону здания компании, сделала несколько шагов. Джек смотрел ей в спину. Девушка остановилась. А затем, будто не выдержав взгляда, повернулась и сказала:

– В связи с причинёнными неудобствами, считаю, что вам необходима компенсация, мистер Сойер, – официальность тона резанула слух Джека. – Поэтому предлагаю вам возможность за счёт нашей компании отправиться в город и приобрести себе новую одежду, – и, окинув молодого человека взглядом с ног до головы, закончила. – А то халат не слишком вам идёт, мистер Сойер.

Джек лишь спросил:

– Вы поедете со мной, мисс Монтесорри?

– Нет, вы отправитесь один. В магазине скажите, чтобы счёт записывали на мистера Хавьера. Они его контакты однозначно знают. Когда закончите – позвоните мне. Определимся с планами на ближайшее время, – она было закончила, но потом, не меняя тон, продолжила. –

Джек, постарайтесь быть аккуратным и не попадать в неприятности. А то ваш рабочий визит затягивается и мистер Хавьер будет недоволен.

– Передавайте мистеру Хавьеру пожелания о скорейшем выздоровлении.

– Непременно. Удачи, мистер Сойер. Машину я сейчас для вас вызову. Начните с магазина «Ламберджек» – мне кажется, их стиль вам подойдёт.

И она, слегка прихрамывая без костылей, ушла, оставив Джека в одиночестве на улице под тёплым осенним солнцем испанской провинции. Он находился на небольшой площадке, на которой стояли здания винодельни, офиса, парковка с несколькими машинами и рекламным щитом с жизнерадостным ребёнком в памперсах. Ниже площадки раскинулась долина с виноградниками. На несколько километров вдаль простиралась заросли этого вьющегося растения, которое служило источником радости, работы и прибыли для многих поколений людей. От площадки шла пыльная дорога, ведущая к городу. И именно с той стороны поднималось пыльное облако от такси, которое вызвала мисс Монтесорри.

Женщины... Несмотря на всю симпатию к ним, мужчина далеко не всегда может их понять. А уж в таких ситуациях, когда память подставляет, а здоровье подводит – вообще катастрофа. Покруче, чем авария. Джек усмехнулся, сравнивая две катастрофы последних дней. А затем открыл дверь подъехавшего такси, назвал место, откинулся на спинку сидения и решил для себя: первым делом дела, а женщины потом. Даже если в некотором смысле это одно и то же.

Спустя двадцать минут они уже въехали в черту города, оставив позади и виноградники, и краешек апельсиновых садов. Таксист слушал музыку по радио, параллельно болтая о чём-то своём. Только однажды, проезжая мимо плантации цитрусов, он упомянул о свалившемся самолёте, пожалел погибшего пилота и поругал тех, кто допустил неисправную машину к полёту. Оказалось, в репортаже уже сказали, что наиболее вероятная версия – халатность обслуживающего персонала. Джек вспомнил Кита и решил, что, когда закончит с одеждой, позвонит шефу полиции и узнает, есть ли новая информация.

Подъехав к магазину, Джек автоматически расплатился с водителем. Благо, что кошелек с деньгами у него был в кармане и не пострадал. Только когда машина тронулась, он задумался о том, что можно было списать и эту поездку на компанию. Но решил уже лишний раз не переживать из-за 25 евро.

Магазин «Ламберджек» оказался не совсем типичным местом. В Испании много бутиков, авторских магазинов, много талантливых дизайнеров и портных. На центральных улочках любого города можно найти хотя бы одно заведение, где хозяйка продаёт собственные изделия, и непременно высокого качества и интересного вида. Китайцы и прочие азиаты ещё не успели захватить и вытеснить такие магазинчики с улиц Королевства, хотя волна этих людей накатывает стремительно и беспощадно.

Но этот магазин можно было достаточно смело назвать вызовом. Это был стопроцентный импорт. Но не с китайского, вьетнамского или иного восточного рынка. Это был магазин одежды и стиля запада. Того самого «ламберджек» -стиля, который стал в последнее время таким популярным.

Фланелевые рубашки, высокие сапоги и ботинки для горных переходов, дутые жилетки и потёртые джинсы. А также фотографии мужчин с пышными бородами, брутальными лицами, накачанными руками и острыми топорами в руках. Не самое очевидное решение для местного рынка, но судя по всему, продавцов это не беспокоило: внутри был ажиотаж.

Но только не типичный женский, когда представительницы слабого пола, проявляя недюжинную силу и смекалку, толпой бегают за красивой маечкой и копаются в груди белья на распродаже. Нет, это было большое количество серьёзных мужчин, которые практически в полной тишине примеряли куртки и ботинки, выбирали джинсы нужного размера. Иногда раздавался

смех или возмущенное бормотание. Продавцы – только мужчины – сновали между клиентами, приносили и уносили нужные размеры, возвращали взятое на примерку на свои места.

Всё это сопровождалось звуками природы из незаметных за деревянными панелями колонок: шум реки, ветра, периодические пение птиц и рык зверей. На стене над прилавком висел большой топор. Судя по истёртой рукояти и паре зазубрин на лезвии, это был настоящий инструмент, который сменил работу в лесу на тихий гомон магазина.

К Джеку спустя несколько секунд приблизился продавец. Окинув взглядом пришедшего, сказал на чистом английском:

– Добрый день. Меня зовут Хуан. Разрешите вам помочь, мистер..., – и сделал паузу, ожидая, чтобы Джек представился.

– Соьер.

– Мистер Соьер, разрешите быть вашим консультантом в этом магазине.

Джек хотел было отказать, а потом подумал – а почему нет?

– Хорошо, давайте посмотрим, что вы можете мне предложить, – сказал Джек, и продавец кивнул.

– Пройдёмте за мной, – указал рукой вглубь зала Хуан. – Вас интересует конкретный элемент одежды или хотите подобрать стиль полностью?

Соьер задумался на секунду:

– А давайте продумаем весь стиль.

И вокруг Джека закипела работа. Он видел, как некоторые из клиентов кидают на него заинтересованные взгляды. Но тактичность местных посетителей не знала пределов. Хуан же попросил встать недалеко от зеркала, обошёл покупателя по кругу, оценил свежие царапины на лице, сделал некоторые замеры, будто портной, а затем сказал:

– Присаживайтесь, сейчас я подберу вам несколько вариантов одежды. А мой коллега принесёт вам чай.

Не прошло и минуты, как удалился один продавец, а второй уже принёс небольшой металлический термос и походную металлическую кружку. Открыв посудину с чаем и обдав посетителя приятным ароматом травяного отвара, продавец ловко налил первую порцию, пожелал приятного дня на испанском и удалился. Джек сделал глоток. Рот обдало жаром, а затем холодом: горячий настой холодной мяты, чабреца и чего-то ещё, каких-то ягод. Джек не думал, что в Испании, которая просто не умеет пить чай, можно найти такой необычный напиток. Но считать этот магазин чистой Испанией тоже было бы неверно.

Спустя несколько минут вернулся Хуан, неся несколько вешалок с одеждой. Повесив на специальную стойку всё это добро, он попросил Джека встать. Следующие полчаса прошли в примерках, сменах разных рубашек и жилетов, подбором ботинок и носков. Соьер чувствовал себя в центре внимания, но это не вызывало в нём протеста. Это было по-деловому, профессионально и очень круто.

Спустя почти час после того, как он зашел в магазин, касса выбила чек, который Хуан, в свою очередь, приколот к листку гарантии. Узнав, что оплачивает счёт мистер Хавьер, продавец расплылся в широкой улыбке и сообщил, что владелец винодельни очень уважаемый человек в городе. Его вина поставляют в лучшие рестораны региона, заказы идут от местных аристократов. А в прошлом году он даже поставлял вина на один международный приём. И вообще, оказывается, мистер Хавьер, когда не носит костюм, любит носить джинсы именно из этого магазина.

Хуан уговорил Джека сразу надеть «вечерний» костюм: темно синие джинсы, светлую рубашку с коротким рукавом, жилетку и высокие ботинки ей в тон. В мешок из неокрашенной плотной бумаги с трафаретным рисунком топора пошли ещё две рубашки, запасные джинсы, теплые носки. В качестве подарка Джеку вручили топор. Только не настоящий, а коробочку

в виде топора – в ней можно было хранить ключи или мелочь. Она выглядела очень естественно и, разумеется, брутально.

Выходя на улицу, Джек увидел своё отражение в зеркале. Пока он мерил разные предметы одежды, единого образа не складывалось. Но теперь он увидел нового себя. Человека с рассеченной щекой, с глубокими карими глазами, с мощными руками, которые могли держать не только бокал, но и топор, и очень хорошо одетым. Только бороды не хватало для полного комплекта. Но это не проблема, подумал Джек. Можно не бриться несколько дней, и она отрастёт. Джек улыбнулся сам себе и спрятал под рубашку Джима, который с любопытством наблюдал за перевоплощением своего хозяина.

Дверь за спиной закрылась, отсекая прохладу другого мира, и мужчину окружили душные сумерки. Начали зажигаться фонари, освещая оранжевыми шарами проезжающие машины и спешащих после работы людей. Хотелось есть, поэтому Джек прошелся вдоль по улице, пока не увидел стейк-хаус.

«Какое-то засилье импорта», усмехнулся про себя Соьер. Но решил, раз уж приоделся, как канадский лесоруб, то почему бы не поужинать, как английский аристократ. Ресторан встретил его белыми скатертями, гомоном ужинающих людей, тихо бормочущим телевизором с ВВС, снующими официантами и уютным камином. Да, пламя в нём было искусной имитацией, но какая атмосфера!

Заказав royal-steak с овощами и базиликом, Джек попросил позвонить. Ему принесли радиотелефон и сказали, что, если он будет звонить за границу, это будет включено в счёт. Успокоив официанта, что связь будет местной, он достал визитку и набрал номер.

Трубку сняли с третьего гудка. Густой голос шефа полиции окутал звонившего. Извинившись за поздний звонок, Джек спросил, есть ли новости, особенно по авиакатастрофе. Шеф полиции угрюмо спросил:

– Мистер Соьер, вы хорошо знали своего друга?

– Да, достаточно. А что? Вы его в чём-то подозреваете?

– Скажем так, с ним не всё в порядке. Скажите, где вы сейчас? – Джек назвал место.

– Я хотел бы к вам подъехать, переговорить лично. Дождитесь меня. Заодно попробую, как там готовят говядину, а то всё никак не соберусь, – шеф полиции попрощался и закончил разговор.

Джек начал нервничать. Неужели Кит действительно повинен в падении самолёта? И предупреждал, надеясь спасти? Чтобы отвлечься от собственных мыслей, Джек посмотрел на мелькающие кадры в телевизоре. То, что там он увидел, заставило его вскочить: треть экрана занимала фотография Кита, и буквы кричали об «убийстве на основе выдуманного культа».

Какой культ подразумевался, Джеку объяснять не надо было.

Глава 7: Сумрак не скроет того, что должно быть скрыто

На столе стояло два стакана виски. Пустые тарелки с остатками соуса глядели слепыми бельмами в пространство. Лицо шефа полиции казалось высеченным из скалы монолитом в сумраке ночи. Джек же был похож скорее на призрака, нежели на живого человека. Его взгляд был направлен в стол, хотя его мысли были далеко отсюда – то в Барселоне, то в доме, где осталась семья Кита.

Старый друг действительно был мёртв. И в этом деле не было разночтений – убийство. Причем совершено оно было с умыслом и последующим надругательством.

Тело нашли в квартире, которую он снимал в Барселоне. Тихий район, спокойные соседи, приличный бар для постоянных посиделок. Окружающие на него не жаловались – человек много работал, потом спал. Иногда водил к себе женщин, но для Кита это тоже было нормальным. В целом, проблем никогда не доставлял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.